

Территории в семантическом пространстве эмоциональных оценок.

Две доминирующие фигуры, моряк и всадник, викинг и монгол, находятся в постоянном движении, в которое их приводит неисчерпаемая динамика.

Эта притча о противостоянии между сушей и морем, или между Бегемотом и Левиафаном..., иллюстрирует вполне осязаемую реальность: противостояние между гигантской континентальной массой, образованной Европой, Африкой и Азией, и океанской массой, где господствуют морские англосаксонские державы. Континентальная масса имеет "середины", образованную Россией, Уралом, Западной Сибирью...

Ю.Л. Качанов, кандидат философских наук, руководитель отдела социологии Центра ИНДЕМ

Роберт Стойкерс. Теоретическая панорама геополитики

Россия как квазиимперия: социологическая постановка проблемы

"Существует геополитический термин: Большие Пространства (Grossraum). Он возник еще в античном мире, предопределенный спецификой средиземноморья, южных пустынь и горных хребтов. Термин как бы повторял тенденции развития, ориентированные на географические сектора как вдоль параллелей, так и на ось Восток - Запад"[1]. Настоящая статья посвящена эмпирическому анализу форм репрезентации в обыденном сознании смысла одного из Больших Пространств - России. Обратите внимание на последнюю фразу эпитафии: Россия перечисляется там наряду с Уралом и Западной Сибирью. Но любой из печальников о "державе", да и просто традиционно мыслящий политолог, укажет вам, что Урал и Западная Сибирь суть составляющие Россию части, и нет нужды их перечислять, коль скоро уже указана сама Россия, а если перечислять, то наряду с Московской областью, Ставропольским краем и т.п. Почему так? Да потому, ответит вам теоретик, что Россия представляет собой квазиимперию и, следовательно, "фон и смысловой горизонт" коммуникации и действия [2, с.113, 105]. О *vitaе philosophia dux!*.. Коль скоро Россия - это квазиимперия, то в ней должна существовать "имперская элита" как относительно обособленная политическая система, выступающая центром политической формы, которая окормляет Большое Пространство; имперская элита конституируется посредством коммуникации, которая делает империю темой общения и действия как, во-первых, чистую идею, безотносительно к ее осуществлению, и, во-вторых, систему власти и управления во всей полноте ее существования [2, с.106]. Люди, "тематизирующие в коммуникации" Россию как целостность, которая всегда больше суммы частей, и как "политически организованное большое пространство, соопределяющее смысл действий и коммуникаций" [2, с.110], либо являются представителями имперской элиты, либо воспроизводят социальные представления, произведенные этой элитой.

Таким образом, если в процессе коммуникации мы получаем сообщения, из которых следует, что Россия - это смысл и форма Большого Пространства, то, согласно новейшим изысканиям, мы имеем дело с имперской элитой (или агентами, интернализовавшими произведенные ею социальные представления). Можно сформулировать и обратное утверждение: в тех случаях, когда в сообщениях агентов Россия не является смыслом и горизонтом коммуникации и действия, нам попались "неэлитные" индивиды. Используя этот критерий, мы можем попытаться определить распространенность имперских представлений о России в выборочной совокупности, и с соответствующей ошибкой, - у населения в целом.

Важнейшим эмпирическим индикатором значения понятия России в обыденном сознании будет его пространственный горизонт: "имперцы" должны обнимать этим понятием Большое Пространство от Балтики до Курил, а просто граждане - европейскую часть Российской Федерации, исключая автономные республики и южные "казачьи" области (Область Всевеликого Войска Донского и т.д.).

Важнейшим эмпирическим индикатором значения понятия России в обыденном сознании будет его пространственный горизонт: "имперцы" должны обнимать этим понятием Большое Пространство от Балтики до Курил, а просто граждане - европейскую часть Российской Федерации, исключая автономные республики и южные "казачьи" области.

Операционализация понятия "территориальная идентичность"

Личность конституируется функциями выделения субъектом себя из окружающего мира, выделения, презентации и структурирования своих отношений с миром и подчинения своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений в противовес сиюминутным импульсам и внешним стимулам [3]. Носителями личностной регуляции и организации внутреннего мира субъекта выступают личностные смыслы. Личностный смысл - это отношение, связывающее предметное содержание сознания с предметом деятельности, как пристрастное отношение процессов психики к процессам жизни субъекта, его сознания к его бытию [4]. Личностный смысл представляет собой индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность; отражение, осознаваемое как "значение-для-меня" усваиваемых субъектом безличных знаний о мире.

Так же как социальная дифференциация есть *causa essendi et fiendi* социальной идентичности, региональная дифференциация порождает территориальную идентичность. Идентификация агентов с территориальными общностями выступает одним из механизмов субъективно-личностного освоения социальной реальности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. Территориальная идентичность необходимо связана со специфическим пониманием идентифицируемой территории, осуществляющимся за счет переживания индивидом, как своих собственных, тех социокультурных обстоятельств и черт, которые характеризуют данную территориальную общность. Вследствие идеального "перевоплощения" в члена территориальной общности обстоятельства ее социальной жизни и сама эта жизнь в совокупности различных аспектов приобретают для идентифицирующего агента личностный смысл.

Механизмом территориальной идентичности, реализующим ее смыслообразующую функцию, может служить, по нашему мнению, ситуативное формирование особого образа "Я - член территориальной общности", временно

выступающего для индивида в роли образа "Я". Установление стабильных связей между смысловой сферой индивида и образом "Я - член территориальной общности" обуславливает устойчивую интеграцию в состав смысловой сферы этого образа.

Одним из социально-психологических следствий территориальной дифференциации выступает тот факт, что индивиды максимизируют воспринимаемое различие между территориальными общностями и минимизируют различия между членами одной и той же общности [5]. Образ каждой территориальной общности связан в сознании людей со своей системой эталонов, норм и правил общения и действия.

Предлагаемый эмпирический подход к изучению территориальной идентичности опирается на методический принцип исследования личности через изучение "пристрастности" человеческого сознания [6]. Интернализированные образы территорий ("интроекты" территориальных общностей) образуют "мировоззренческие миры", пристрастные системы отсчета и оценки, обладающие каждой своей интерпретацией. Территориальную идентичность личности можно раскрыть через отношения образов "Родина" и "населенный пункт, в котором я родился" в системе интернализированных образов других территорий. Таким образом понимаемую социальную идентичность личности можно операционализировать как структуру субъективного семантического пространства территорий. Предполагается, что образ "Родина" распространяется на территории, лично значимые для субъекта. Возможность идентификации предполагает наличие психологической близости. Очевидно, что соотнесение системы значений, имплицитно содержащейся в образе территории, и структуры практики субъекта обуславливает рефлексию социальной идентичности. При этом рефлексия может осуществляться на разных уровнях, но уже простая оценка территориальной общности по основанию "близка мне - далека от меня" есть рефлексия территориальной идентичности в обобщенных, эмоциональных эталонах [7].

Напомним, что субъективным семантическим пространством называется совокупность определенным образом организованных дескрипторов (признаков), описывающих и дифференцирующих значения некоторой содержательной области [8], в нашем случае - территориальной идентичности. Размещение в субъективном семантическом пространстве обыденной "картины мира" образов "Я - член территориальной общности" дает возможность реконструировать семантический состав интернализированных территорий как личностных смыслов. Иными словами, реконструируя в процессе эксперимента субъективное семантическое пространство территорий, мы тем самым измеряем социальную идентичность субъекта.

Исходный поведенческий смысл семантического пространства территорий заключается в психологической подготовке поведенческой стратегии субъекта. Психологическая сущность семантического пространства интернализированных образов территорий состоит в том, что оно является знаковым прообразом пространства действительностей [9]. В субъективном семантическом пространстве территорий процесс принятия решений о том или ином поступке "разговаривает" на языке образов "Я - член территориальной общности".

Цветоассоциативный тест множественной идентичности - вербальный компактный метод, отражающий как сознательный, так и частично неосознанный уровни социальной идентичности. Его использование опирается на представление Б.Г.Ананьева об образной природе психических структур любого уровня и концепцию чувственной ткани смысловых образований личности

Реконструируя в процессе эксперимента субъективное семантическое пространство территорий, мы тем самым измеряем социальную идентичность субъекта.

Основная идея цветоассоциативного теста множественной идентичности заключается в том, что существенные характеристики отношения человека к значимым для него объектам и к самому себе отражаются в цветовых ассоциациях к ним.

А.Н.Леонтьева. Методической основой цветоассоциативного теста множественной социальной идентичности являются эксперименты Ч.А.Измайлова, Е.Н.Соколова, А.М.Черноризова, А.В.Вартанова по психофизиологии цветового зрения и семантике цветового пространства, а также цветоассоциативный эксперимент А.М.Эткинда [10 - 14].

Основная идея цветоассоциативного теста множественной идентичности заключается в том, что существенные характеристики отношения человека к значимым для него объектам и к самому себе отражаются в цветовых ассоциациях к ним. Цветовая сенсорика тесно связана с эмоциональной жизнью личности, поэтому и цветовая семантика может быть использована для диагностики.

Как было доказано экспериментально-психологическими исследованиями, все множество воспринимаемых человеком цветов можно представить на поверхности сферы в четырехмерном пространстве так, что евклидовы расстояния между точками, обозначающими цвета, будут прямо пропорциональны субъективным различиям между этими цветами [14]. Перцептивное цветовое пространство изоморфно пространству цветовых названий [12]. Дело в том, что все множество селективных детекторов цвета дублируется нейронами образной памяти. Вербальные символы, активизируя последовательно разные цветовые детекторы образной памяти, позволяют сравнивать цветовые названия по ассоциированным с ними представлениям.

Процедура тестирования состоит в следующем. Респонденту предъявляется базовый список из 58 прилагательных, обозначающих цвета. Интервьюер предлагает подобрать к каждой из перечисленных в тесте территорий (отражающих структуру территориальной идентичности) подходящее цветовое название. Выбранные названия могут повторяться. В случае возникновения вопросов интервьюер разъясняет, что цветовые названия должны подбираться в соответствии с существенными особенностями территориальной общности, а не по ее внешним случайным признакам (окраске на географической карте и т.п.).

Психологическим механизмом, обеспечивающим возможность атрибутирования территориям цветов, является синтезия - универсальная форма доязыковой категоризации, заключающаяся в возникновении ощущения одной модальности под воздействием стимула другой модальности [7]. Кроссмодальные переходы возникают потому, что раздражитель определенной модальности стимулирует не только специфическую для него проекционную зону мозга, но и (благодаря ответвлениям аксонов) неспецифические проекционные зоны других модальностей [15].

Для экономичного и наглядного описания цветовых ассоциаций, допускающего статистическую обработку, используется четырехмерное параметрическое пространство, образованное координатами базовых названий цветов в семантическом пространстве. Вычисляя евклидово расстояние между названиями цветов, ассоциированных с территориальными общностями, и названием цвета, ассоциированного с территорией "Родина", мы тем самым операционализируем понятие "территориальная идентичность".

Perspicuitas argumentatione elevatur

В качестве процедуры установления семантических связей территорий (первый этап построения семантического пространства) цветоассоциативный тест использует технику косвенных оценок степени сходства территорий - через соотнесение их с прилагательными, обозначающими цвета. Нами использовался следующий набор территорий: 1 - Россия; 2 - Республика Татарстан; 3 - Урал; 4 - Башкирия (Республика Башкортостан); 5 - Мары (Республика Мари-Эл); 6 - Советский Союз; 7 - Сибирь; 8 - Чеченская Республика; 9 - Австралия; 10 - Республика Крым; 11 - Дальний Восток; 12 - СНГ; 13 - Украина; 14 - Коми ССР; 15 - Чувашия (Чувашская ССР); 16 - Казахстан; 17 - Франция; 18 - Республика Калмыкия; 19 - область (край), в которой Вы живете; 20 - населенный пункт, в котором Вы живете (город, село, деревня); 21 - Ваша Родина. Выбор территорий в качестве объектов оценивания определялся географией исследования и соображениями о необходимости включения в список нейтральных (Австралия) и однозначно позитивных (Франция, Крым) территорий. Респондентов просили атрибутировать каждому объекту одно из 58 стандартных прилагательных, обозначающих цвет (указывать первые пришедшие на ум цветовые ассоциации), причем можно было по выбору пропускать территории.

Чтобы построить по экспериментальным данным семантическое пространство, необходимо определить, какие признаки, характеризующие территории в восприятии респондентов, нужно взять, чтобы в евклидовом пространстве, построенном на этих признаках как на осях координат, точки, соответствующие территориям, были распределены так же, как разделены территории в сознании респондентов. Форма семантического пространства определяется взаимоотношениями подмножеств территорий друг с другом; ее можно задать разбиением множества территорий на непустые подмножества и спецификацией влияния отдельных факторов. Для построения семантического пространства мы использовали метод кластер-анализа, основанный на иерархии классов, понимаемой как последовательность вложенных разбиений; кластер-анализ строит несколько разбиений на разных уровнях и с разным числом классов [16]. Мы применяли метод аддитивного кластер-анализа Саттаха и Тверски [17], реализованный в статистической системе "CLAMS 1.1". На рис. 1 - 9 изображены дендрограммы - решения, полученные методом аддитивного кластер-анализа для разных подвыборок. Эти дендрограммы дают представление о семантических связях территорий на разных уровнях: их узлы соответствуют полученным кластерам; степень принадлежности территории к какому-либо кластеру можно оценить при помощи длины простой цепи, соединяющей данную территорию и кластер; расстояние между территориями равно длине пути, соединяющего вершины графа, соответствующие этим территориям; объединение территорий в кластер происходит лишь по одному признаку, но эти признаки разные на разных уровнях агрегации. В отличие от традиционного (ультраметрического) кластерного анализа в дендрограммах, построенных этим методом, корректна интерпретация взаимного расположения "листьев дерева". Так, на рис.1 кластер {Франция} действительно ближе к кластеру {Россия, СССР, СНГ}, чем к кластеру {Родина, населенный пункт, область}. В заключение добавим, что представленные ниже кластерные структуры могут восприниматься как недостаточно выраженные. Но здесь следует иметь в виду, что в соответствии с моделью и методикой измерения мы получаем точки,

не свободно расположенные в пространстве, а лежащие на четырехмерной полусфере.

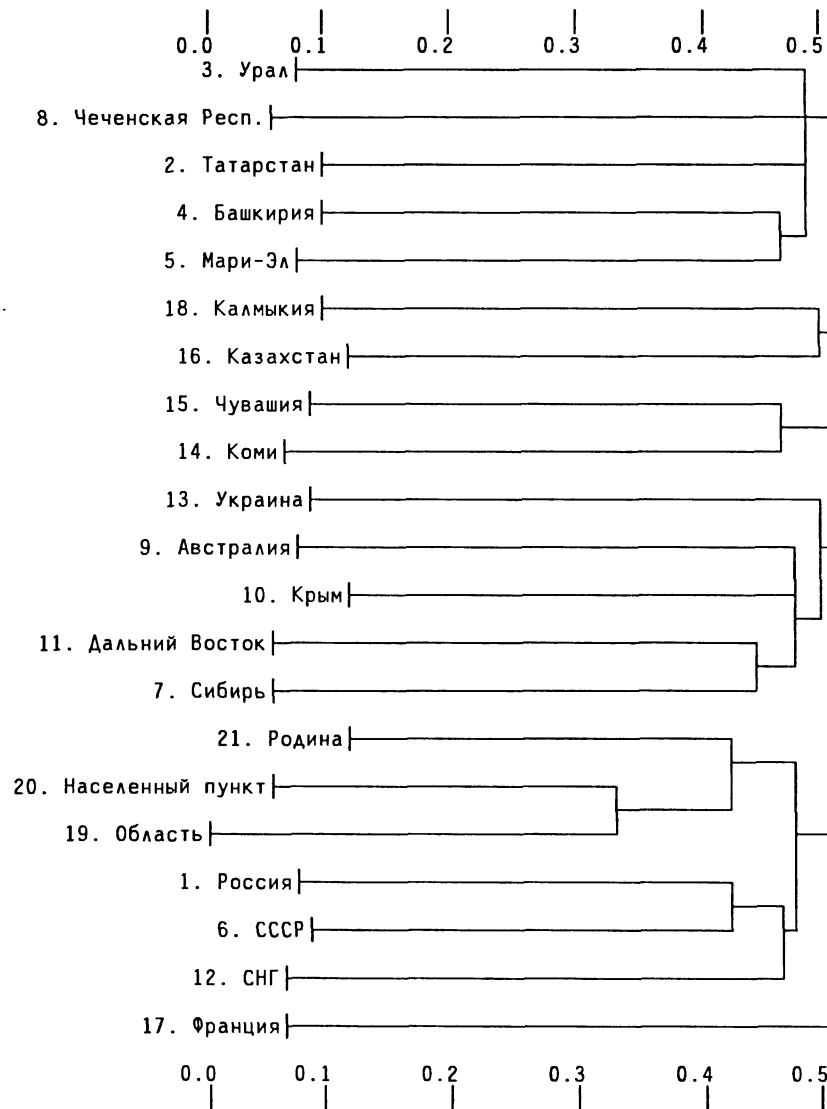

Рис.1. Кластерная структура семантического пространства территорий для подвыборки населения Центральной России

Из дендрограммы, приведенной на рис.1, видно, что для территории "Родина" можно выделить несколько категорий семантических связей: во-первых, непосредственно место рождения (населенный пункт и область), во-вторых, государство (в порядке убывания близости: Россия, СССР, СНГ). Рисунок 1 показывает, что для населения центральноевропейских областей Россия не имеет специфически имперского смысла; скорее она представляет собой прозаическое государство, а не Большое Пространство - фон и смысловой горизонт. Двигаясь при интерпретации кластеров от семантических классов, выделенных на низких уровнях сходства, до семантических классов на высоких

уровнях сходства, можно показать, что основаниями объединения в низших кластерах служат обобщающие денотативные (предметно отнесенные) факторы, а основаниями объединения в высших кластерах - коннотативные (оценочные) факторы. Иными словами, фактором-определителем на низких уровнях семантического сходства является близость (не обязательно в реальном географическом пространстве, а с поправкой на менталитет респондентов) территорий, а на высоких уровнях семантического сходства - эмоционально-оценочное отношение респондентов к территориям. То же относится и к остальным дендрограммам, изображенным на рис.2 - 9. Отметим только заметное влияние, оказываемое местом рождения и проживания респондентов на структуру дендрограммы.

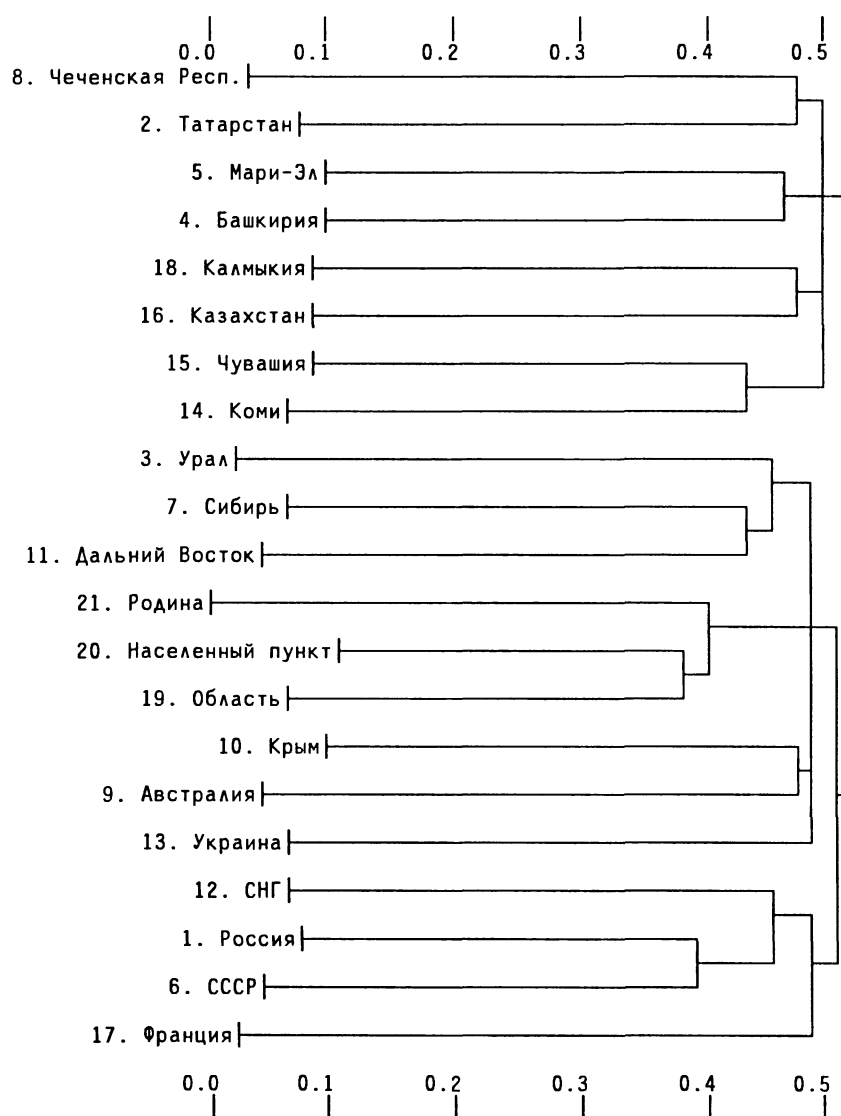

Рис.2. Кластерная структура семантического пространства территорий для подвыборки населения Южной России

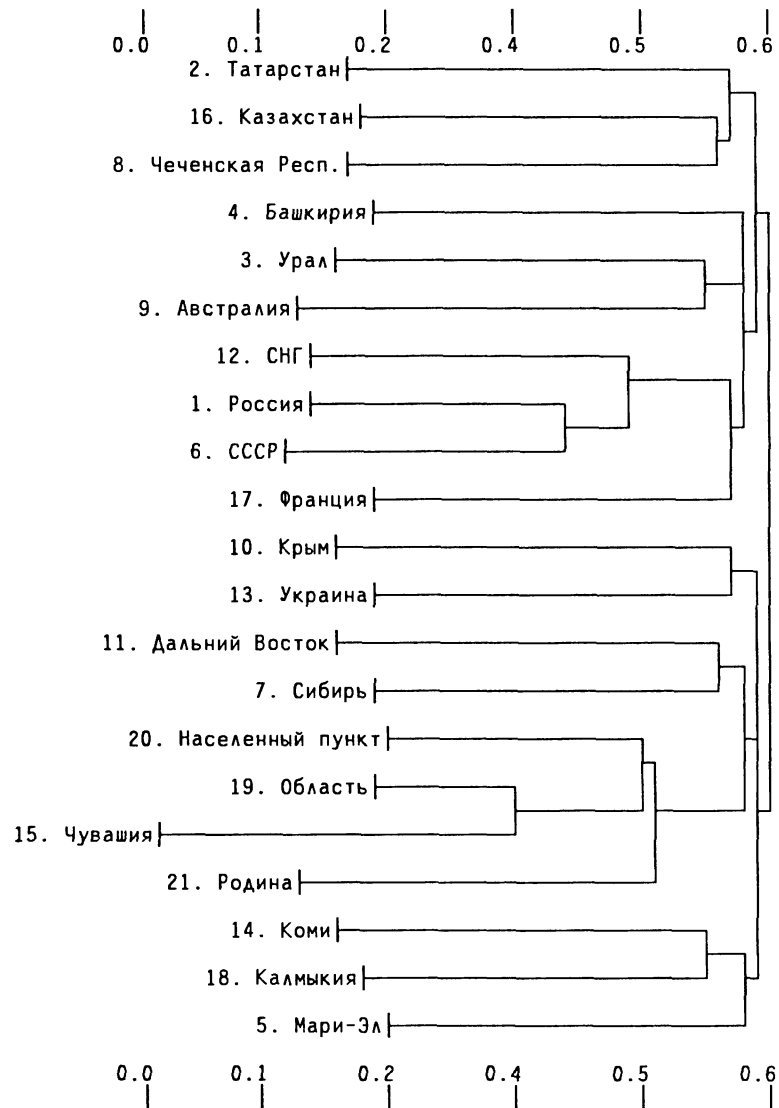

Рис.3. Кластерная структура семантического пространства территорий для подвыборки населения Чувашии

Отметим только следующее. Наиболее выраженная территориальная идентичность с Россией (минимальное расстояние от "Родины" до "России") сложилась у русских крестьян, а наименее выраженная (максимальное расстояние от "Родины" до "России") - у русских интеллигентов. Характерно, что коми и чувашам Россия "ближе", чем русским интеллигентам. Это обстоятельство указывает на русскую интеллигенцию как на одну из главных антиимперских и центробежных сил современной Российской Федерации. Обратим внимание и на здоровую территориальную идентичность русских крестьян, не тронутых еще вирусом негативной самоидентичности.

Как это ни прискорбно, но приходится признать, что все приведенные выше результаты настолько очевидны, что граничат с трюизмом. Действительно, нам удалось зафиксировать лишь то, что: во-первых, расстояния меж-

ду регионами в семантическом пространстве коррелируют с расстояниями между ними в физическом пространстве; во-вторых, население не слишком хорошо знает географию, и поэтому нет однозначной связи между взаимоположением территорий в семантическом и физическом пространствах; в-третьих, распределение и различия территорий в семантическом пространстве зависят от эмоционально-оценочного отношения к ним; в-четвертых, русские потомственные крестьяне в большей степени идентифицируют свою Родину и себя с Россией, чем русские потомственные интеллигенты; в-пятых, концепция России-квазиимперии как горизонта коммуникации и действия, т. е. горизонта неопределенности, окружающего данное "односторонне" Большое Пространство, "не понимает" и не интерпретирует повседневных смыслов и, следовательно, социологически неэффективна.

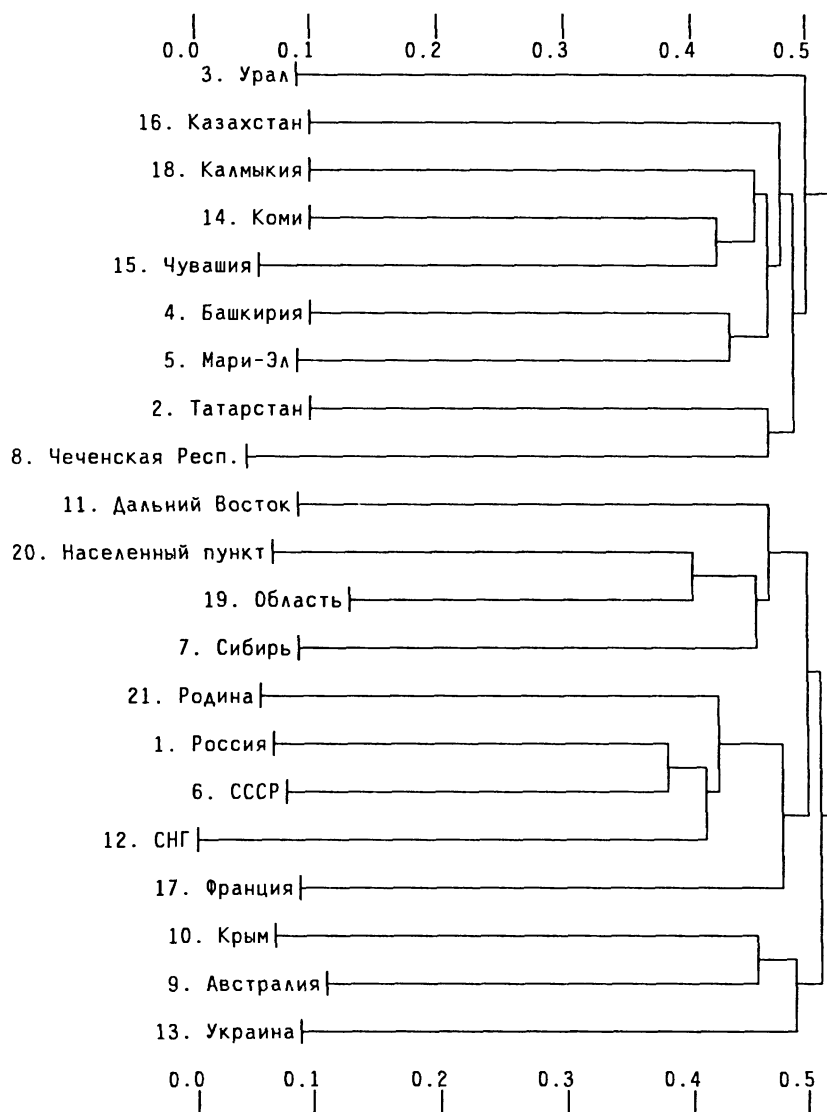

Рис.4. Кластерная структура семантического пространства территорий для подвыборки населения Сибири

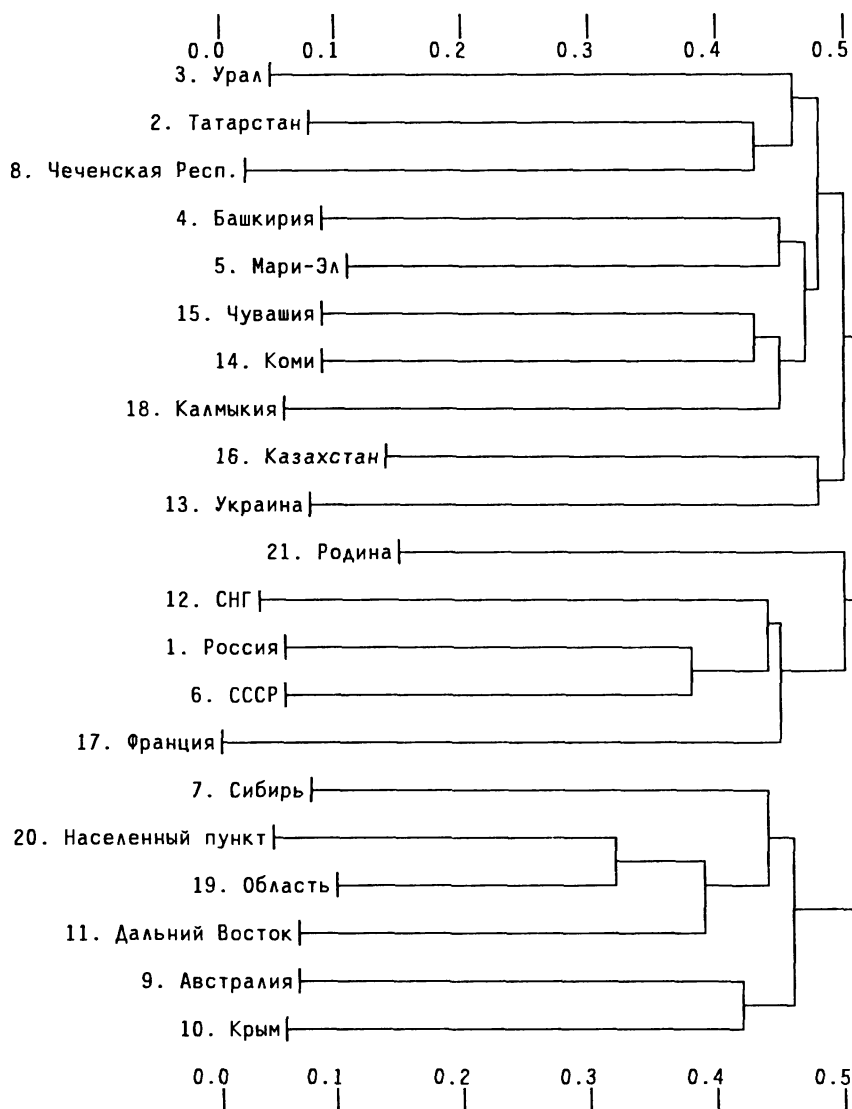

Рис.5. Кластерная структура семантического пространства территорий для подвыборки населения Дальнего Востока

Новый Бегемот

Вернемся к эпиграфу. В нем Р.Стойкерс (следуя К.Шмитту) проводит недвусмысленную параллель между "Срединной Землей" Россией и мифическим Бегемотом. В Библии бегемот (наряду со своим морским аналогом левиафаном) приводится как пример непостижимости творения Божьего: "Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; ... вот сила его в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его. ... Ноги у него - как медные трубы; кости у него - как железные прутья. Это верх путей Божиих; только Сотворивший его может прибли-

зять к нему меч Свой. ...Вот, он пьет из реки, и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его. Возьмет ли кто его в глазах его и прокнет ли нос ему багром?" (Иов 40 10-11, 13-14, 18-19). Россия в качестве Бегемота должна была бы представлять собой Силу Суши - гигантскую континентальную массу, Большое Пространство, которому свойственны "патология власти" и "закрытость".

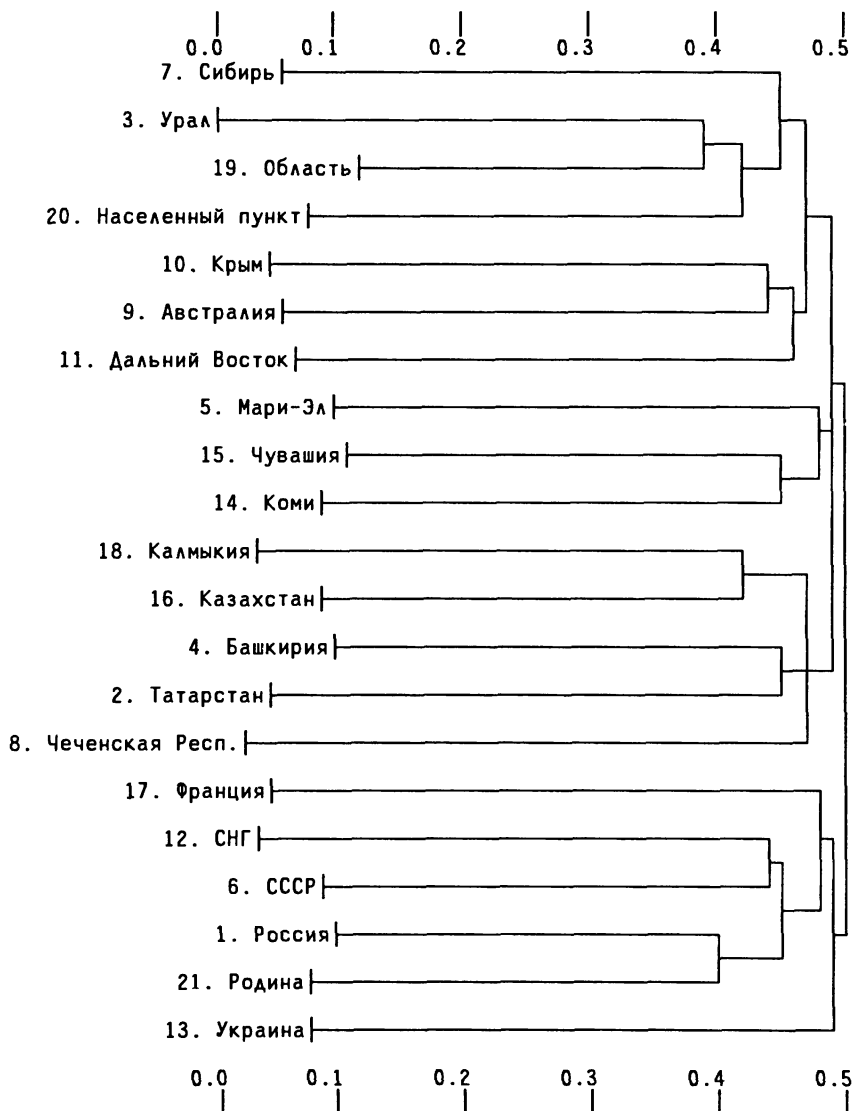

Рис.6. Кластерная структура семантического пространства территорий для подвыборки населения Урала

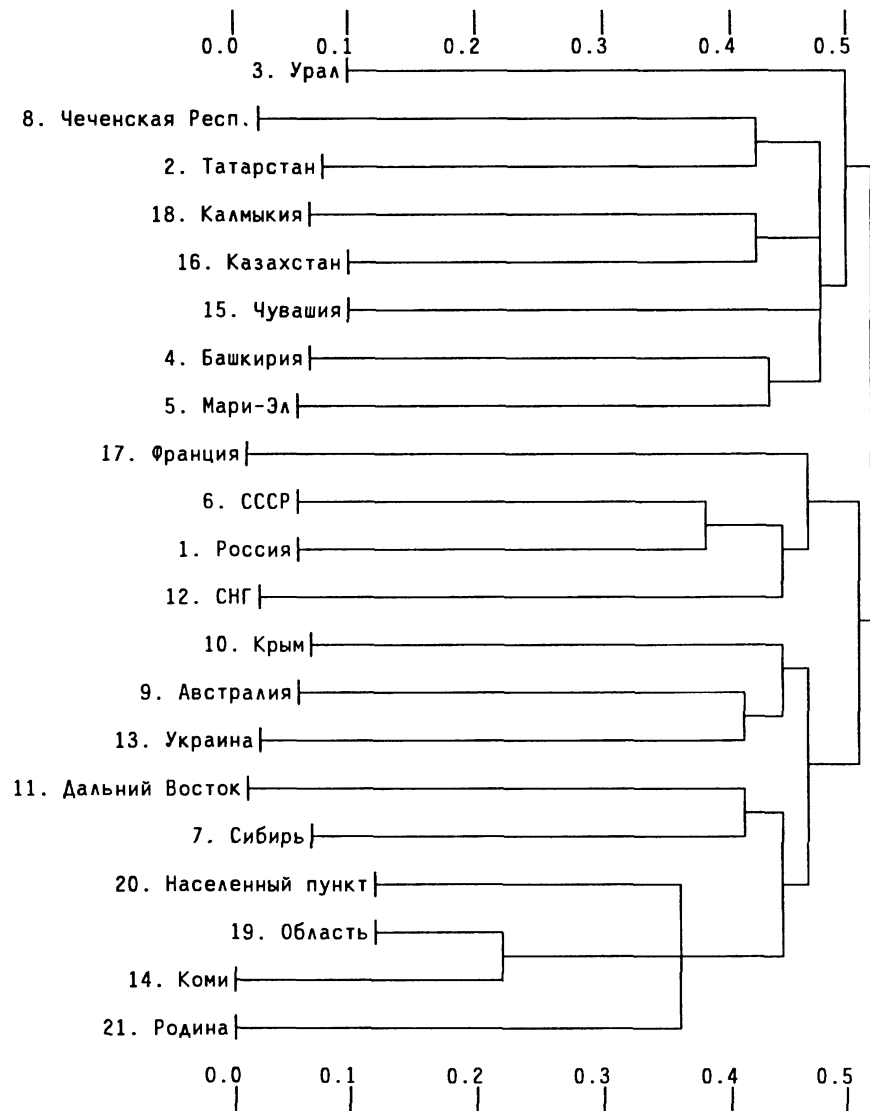

Рис.7. Кластерная структура семантического пространства территорий для подвыборки населения Коми

В действительности же российское общество "открыто", так как для него характерны рационально-критические установки и возможность целесообразного и сознательного политического действия. Если бы Россия переживалась как Большое Пространство, то, помимо прочего, мы имели бы совсем иные, нежели приведенные выше, кластерные структуры семантического пространства территориальной идентичности: Россия для респондентов есть в первую очередь европейская "гениальная равнина в белых клавишах берез", отнюдь не простирающаяся "от моря до моря" и не конституирующая горизонт коммуникации и действия. То ли респонденты в выборку попались уж совсем "неимперские", то ли после Августа все изменилось, но получается так, что в сознании респондентов Россия предстает не как Большое Пространство, а просто - как большое пространство.

нивают и переоценивают суждения друг друга, а не занимаются рефлексивным анализом программ, заявлений, концепций и прочего в связи с их специфической направленностью. В основе интернализации политических суждений не-политиками лежит принцип пропуска: пропускается все непонятное. Поэтому мы советуем всем, кто сталкивается с проблематикой империи: пропускайте. Судя по всему, именно так и поступали респонденты, попавшие в нашу выборку. Существовал ли в годы нашего коммунистического прошлого Бегемот, мы не знаем. Но Новый Бегемот, проживающий на нашей территории, не помышляет о борьбе с Левиафаном, погрузившись по ноздри в болото экономики.

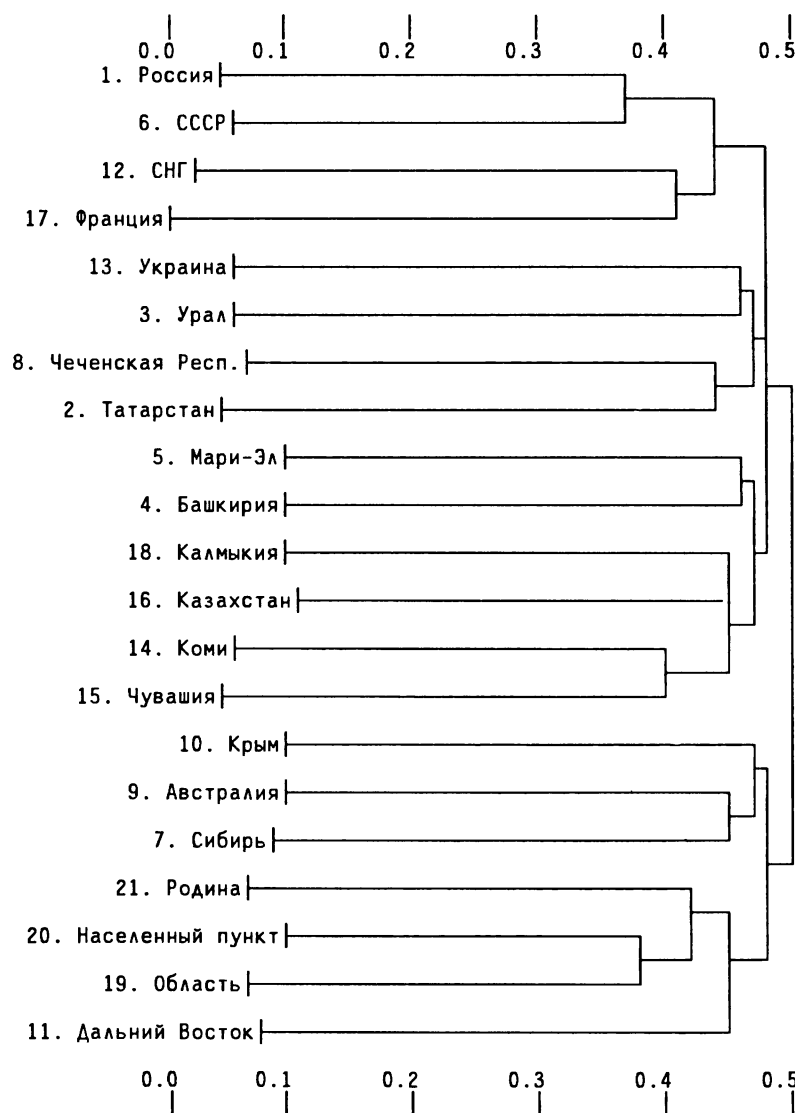

Рис.9. Кластерная структура семантического пространства территорий для русской подвыборки реперной группы "интеллигенты" (описание реперной группы см. в статье "Социальные группы в поле политики", в данную подвыборку из нее попали только этнические русские)

Список литературы

1. Хаусхофер К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей // Элементы. Евразийское обозрение. 1992. N1. С.14.
2. Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. Т.1, N1. С. 89-120.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975.
4. Леонтьев Д.А. Субъективная семантика и смыслообразование // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, "Психология". 1990. N3. С. 33-46.
5. Агеев В.С. Механизмы социального восприятия // Психол. журн. 1989. Т.10, N2. С. 67.
6. Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики "множественных идентификаций" // Психол. журн. 1987. Т.8, N6. С. 21 - 35.
7. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
8. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
9. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: Теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
10. Русина Н.А. Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений // Вопр. психологии. 1981. N5. С.96 - 105.
11. Соколов Е.Н., Вучетич Г.Г., Измайлов Ч.А. К взаимосвязи эмоций и цвета // Эмоции и поведение: системный подход. - М., 1984. С. 275 - 277.
12. Соколов Е.Н., Вартанов А.В. К исследованию семантического цветового пространства // Психол. журн. 1987. Т.8, N2. С. 58 - 65.
13. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, "Психология". 1988. N3. С. 70 - 82.
14. Измайлов Ч.А., Соколов Е.Н., Черноризов А.М. Психофизиология цветового зрения. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
15. Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
16. Жамбю М. Иерархический кластер-анализ и соответствия: Пер. с фр. - М.: Финансы и статистика, 1988.
17. Sattah S., Tversky A. Additive similarity trees // Psychometrika. 1977. Vol.42, N7. P.319 - 345.